

ГРЕГ ГРИМ

УКУТАННАЯ В НОЧЬ



Грег Грим

Укутанная в ночь

«Автор»

2026

Грег Грим

Укутанная в ночь / Грег Грим — «Автор», 2026

Хозяйка вечной жизни или беспомощная жертва? В холодном Сити и в тени петербургских фасадов, среди блеска закрытых клубов и холодного расчёта элит, когда верность превращается в дым, оживает старинный особняк, а древние артефакты раскрывают страшные тайны, остается только холод бесконечного одиночества. На границе любви и отчаяния просыпаются тени и начинается охота. Но жертва - это лишь роль, которую она больше не намерена исполнять. Ночь возвращает свои права.

© Грег Грим, 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. ХОЗЯЙКА СТЕКЛЯННОЙ ГОРЫ	6
ИНТЕРЛЮДИЯ I. КАМЕНЬ И СТАЛЬ	10
ГЛАВА 2. САД РАЗБИТЫХ ЗЕРКАЛ	13
ГЛАВА 3. ЯДОВИТЫЙ МЁД	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Грег Грим
Укутанная в ночь

*Посвящается моей супруге.
Глазки, ты моя муза!*

ГЛАВА 1. ХОЗЯЙКА СТЕКЛЯННОЙ ГОРЫ

Стеклопанель пентхауса отделяла заоблачную тишину от Москвы, задыхающейся внизу в неоновом беспамятстве. Ледяной триплекс давал ложное ощущение безопасности. Диана прижалась к нему лбом, ловя мертвенную прохладу. Ей было холодно. Всегда.

— Посмотри на неё, Виктор, — тихо произнесла она, не оборачиваясь к замершей сзади тени. — Город сверкает, будто бриллиант на пальце покойницы. Красиво и невыносимо мертво.

Она коснулась костяного кольца, висевшего на тонком кожаном шнурке. На фоне шёлка и бриллиантов этот грубый артефакт казался чужеродным, но именно он оставался её единственным щитом от солнца.

— Ты снова ищешь в небе то, чего там давно нет, Диана, — вкрадчивый голос Виктора нарушил тишину, как шорох опавших листьев в пустом парке.

Она уловила аромат его присутствия: терпкий сандал, дорогая кожа и едва заметный, металлический привкус его вечного, безответного обожания. Виктор был её самой красивой ошибкой. Безупречный — от шёлкового галстука до затаившейся в уголках губ печали.

— Я ищу хотя бы отблеск настоящей зари, — прошептала она. Дыхание не оставило на стекле даже намёка на пар. — Но этот мир светится лишь электричеством. В нём нет тепла. Вечность — как слой пыли на антикварном зеркале. Ты всё ещё видишь себя, но черты с каждым столетием становятся всё серее.

Тяжелый чёрный шёлк платья вздыхал при каждом её движении. Диана ощущала его вес как лишний слой кожи — дорогой, безупречной и совершенно не согревающей.

— У входа Аркадий, — Виктор подошел ближе, но остановился в двух шагах, соблюдая ту невидимую границу, которую она провела между ними десятилетия назад.

Диана поморщилась. То, чего так жаждал проситель — раньше воспринималось интимным таинством, признанием в роковой близости. Теперь оно превратилось в изысканный десерт для тех, кто пресытился жизнью. Эти великие мира сего приходили к ней не за любовью и даже не за бессмертием — они боялись увядания. Им нужна была её кровь, подобная эликсиру, лекарственной эмульсии, как гарантия того, что их хватка останется стальной, а сердце будет по-прежнему биться.

— Впусти его. Пусть эта комедия закончится быстрее.

... Двери кабинета разошлись с едва слышным вздохом, впуская Аркадия. Он просочился внутрь, принося с собой шлейф дорогого табака, застарелого стресса и того липкого, животного страха, который не в силах скрыть ни один идеально скроенный пиджак от Stefano Ricci.

Диана не шевельнулась. Она продолжала смотреть на Москву, которая внизу казалась гигантским костром из тщетных и мимолётных человеческих амбиций.

— Подойди, — её голос был тихим, но в этой тишине звенела сталь веков.

Аркадий послушно приблизился и опустил на колено. Здесь, в этом стерильном пространстве из стекла и камня, он — вершитель судеб и президент крупнейшего в стране холдинга — превращался в просителя у алтаря. В его глазах застыл страх — вдруг ему будет отказано. И тогда никто и ничто на всём этом свете не сможет ему помочь. Один раз Диана уже спасла холдинг от правительственного аудита подключив свои знакомства на всех уровнях и несколько адвокатских бюро. А потом закрепила успех кровью. Так были связаны две такие разные жизни.

Диана медленно повернулась. На её столе, среди антикварных безделушек, стоял крошечный, почти игрушечный кубок из темного горного хрусталя. Диана помнила, как его, в богато украшенном ларце через посредника вручил ей тот, чьё имя теперь носит самая престижная премия мира, очарованный её красотой. Она взяла со стола тонкую серебряную Иглу, инкрустированную черным жемчугом.



Точным, быстрым, тысячекратно повторенным движением она коснулась руки древним серебром. На бледной, почти прозрачной коже её запястья проступила капля. Диана позволила одной единственной капле упасть в кубок, наполовину наполненный ледяной водой. Вода мгновенно окрасилась в нежно-розовый, опаловый цвет, завихрившись изящной спиралью.

Вошедший, словно безумец, уставился на руки Дианы немигающим взглядом, желая припасть к ним в фанатичном исступлении. Поборов брезгливость и недостойную её жалость, спустя мгновение она протянула кубок, произнеся одно лишь слово:

— Пей!

Аркадий принял его дрожащими руками. Для него это была не просто милость. Это была его гарантия того, что завтра он снова будет самым быстрым, самым умным и самым беспощадным в этом бетонном лабиринте. Словно гиена в голодном беспамятстве он выпил содержимое кубка жадно, но совершенно бесшумно. Наблюдая, как пульсирует жила на его шее, Диана ощутила холодный комок тошноты, подступивший к горлу.

С первым же глотком его обрюзгшее лицо преобразилось. Усталость, копившаяся месяцами, стекла с него, как грязная вода. Казалось, Аркадий начинал пахнуть жизнью, молодым

хлебом, первым неловким движением младенца. Морщины разгладились, взгляд приобрел хищную ясность, а кожа налилась здоровым, пугающе живым румянцем. Он снова был королем. Но королем, чья корона держалась лишь на милости женщины, стоящей перед ним.

— Благодарю, Вас, Хозяйка, — выдохнул он, едва касаясь лбом ковра. — Жизнь снова имеет вкус.

Пальцы хозяйки пентхауса на мгновение сжались от этого чужого плоского имени.

— Жизнь имеет вкус лишь за счет смерти. Уходи, Аркадий, — холодно отозвалась Диана. — Ты получил порцию иллюзий. Помни о цене.

Когда за гостем закрылись двери, Диана с отвращением швырнула кубок обратно на поднос, тот покатился, сверкая гранями, и застыл на самом краю стола. Виктор, до этого неподвижно стоявший в тени, подошел к столу. Он смотрел на крошечную ранку на её запястье с такой болезненной жадностью, что воздух в комнате, казалось, стал гуще. Виктор протянул кружевной платок, от которого веяло лавандой и старой Россией. Его длинные ухоженные пальцы на мгновение задержались у её запястья, и в этом мимолетном прикосновении звучало столько подавленного крика, столько мольбы, что Диане на миг стало больно.

— Опять ты кормишь стервятников, Диана. Смотри, когда-нибудь они решат, что капли в кубке им мало..

— Я покупаю их лояльность, — Диана прижала к запястью белоснежный платок. — Без моей крови они — лишь прах, который Москва развеет за одну неделю. Но ты прав. Как и всегда. Мне тошно от их благодарности. В ней нет жизни, только жадность.

Виктор придвинулся еще ближе. Его рука замерла в воздухе, не смея коснуться её.

— Я единственный, кому не нужна твоя кровь. Я делаю всё возможное и невозможное. Чтобы мы могли... — он запнулся, и в этом мгновении его цинизм рухнул. — Чтобы мы могли начать жить сначала. По-настоящему.

Диана посмотрела на него, и в её глазах отразилась вся меланхолия угасающей Москвы.

— «По-настоящему» нельзя купить или выпить из кубка, мой верный друг. И в этом наша общая трагедия.

Она отошла к окну, где вечернее небо над городом уже окрасилось в глубокий, тревожный фиолетовый. Она знала: где-то там, в Петербурге, небо другое. Оно прозрачное, холодное и от него пахнет не нефтью, а мокрым шинельным сукном, церковным ладаном и ледяной неводской водой.

— Зачем ты мучаешь себя этими ничтожествами? — его голос дрогнул и он тотчас же взял себя в руки, желая скрыть слабость которую он не имел права показывать.

Диана посмотрела на него с нежностью, но не той, что живёт в сердцах влюбленных, а с той на которой любимых провожают в вечное странствие, из которого нет возврата.

— У тебя красивые глаза, Виктор. Как у собаки. В тебе есть лоск, харизма, мужество, ум, но нет той самой искры, что заставляет кровь закипать. Ты — моё отражение. А я... я так устала смотреть в зеркала.

Диана подошла к секретеру из карельской березы и коснулась старого, пожелтевшего письма. От него веяло пылью веков и несбывшимися обещаниями. Едва уловимая дрожь в голосе Виктора заставила её вспомнить слова, произнесённые ласковым шёпотом много лет назад.

Диана коснулась пальцами пожелтевшего края письма, и современная Москва с её неоновым пульсом начала медленно растворяться, как некачественный снимок в кислоте. Звуки машин превратились в мерный цокот копыт по брусчатке, а запах раскаленного асфальта вытеснил острый, колючий аромат петербургской зимы 1880 года.

Тогда Петербург не пытался казаться живым — он был величественным склепом из мрамора и гранита, укрытым саваном из тяжелых, низких облаков.

Она видела его так четко, словно это происходило вчера. Молодой поручик с глазами цвета предштормовой Балтики. От него всегда пахло морозным ветром, дорогим табаком и той невыносимой, жаркой жадной жизни, которая пугала и манила Диану одновременно. Он был первым и единственным, кто не преклонил перед ней колена как перед божеством, а просто согрел её ледяные ладони своими, дыша на них теплым, живым воздухом.

— Вы пахнете фиалками и снегом, Диана, — шептал он ей на балу в Юсуповском дворце, не подозревая, что аромат фиалок — это лишь запах тления, искусственно скрытый лучшими парижскими мастерами. Наивный и беспечный. Он даже саблю, доставшуюся ему в награду за одно из сражений, поправлял, точно восторженный мальчик. Диана любила смотреть, как на морозе у него краснеет кончик носа, из-за чего он очень смущался, чем еще больше дразнил бессмертную.

Их любовь была обречена не из-за мистики, а из-за того самого общества, которое вызывало ненависть Дианы уже тогда. Николай был небогат, он был идеалистом, а она... она уже тогда была частью высшего круга, закрытого клуба теней, которые диктовали условия империи. Его вызвали на дуэль. Не за её честь — за её тайну, которую он случайно коснулся краем своей чистой души.

Снова перед глазами Дианы предстала та ночь на Черной речке. Снег падал медленно, огромными хлопьями, застилая мир белым безмолвием. Николай лежал на её руках, и его кровь — настоящая, горячая, пахнущая солью и весной — алыми цветами расцветала на девственно-чистом сугробе. Она могла спасти его. Одна капля её сути — и он бы остался с ней в вечности.

Но она посмотрела в его угасающие глаза и увидела в них такой страх перед этой вечной тенью, что её клыки, уже удлинившиеся для укуса, чтобы подарить Николаю вечную жизнь и вечное проклятье, втянулись обратно. Она позволила ему умереть человеком. Она позволила его сердцу замолчать, чтобы не превращать его в такое же эхо, каким со временем стал Виктор.

Николай умер, так и не узнав, что его любимая и есть монстр. А Диана осталась стоять на невском льду, впитывая в себя холод, который с тех пор никогда её не покидал.

— Я уезжаю в Петербург, — внезапно произнесла она, и её глаза наполнились странным, лихорадочным светом. — Москва слишком громко кричит о богатстве. А я хочу услышать шепот Невы. Почувствовать запах мокрого гранита и старой штукатурки. Там, среди призраков прошлого, возможно, я найду то, что еще не стало пластиковым.

Виктор сжал кулаки, и аромат его табака стал горьким, как полынь.

— В Петербурге сейчас весна — коварная, промозглая. Там не будет меня. Там ты будешь уязвима. Там нет защиты.

— В этом и смысл, мой милый рыцарь. Защита — это лишь другое слово для погребального савана. Я хочу почувствовать, как мне холодно. Я хочу, чтобы ветер пробирал до костей.

Диана закрыла глаза, уже слыша в голове вкрадчивый плеск черной воды. Она еще не знала, что там, в полумраке мастерской, пахнувшей свежим деревом и искренностью, её ждет тот, чей первый взгляд станет для неё смертным приговором. И что эта весна в Петербурге станет особенной — и самой прекрасной в её бесконечной жизни.

— Диана? — голос Виктора заставил её вздрогнуть, возвращая в настоящее.

Она убрала руку от старого письма. Взгляд на мгновение затуманился.

— Я помню тот лед, Виктор, — тихо произнесла она, не отрывая глаз от панорамы Москвы. — Николай был последним, кто видел во мне женщину. Едучи туда, я бегу не за воспоминаниями. Я бегу от себя нынешней. За искуплением. Или за финалом, который не решилась устроить себе тогда, на Черной речке.

Виктор смолчал, но в его глазах мелькнул отсвет давней дуэли. Он ненавидел покойного поручика даже спустя полтора века — за то, что тот получил человеческую скорбь Дианы, которой сам Виктор не смог добиться за десятилетия преданности.

ИНТЕРЛЮДИЯ I. КАМЕНЬ И СТАЛЬ

Больше чем поручика, Виктор ненавидел лишь Москву в три часа ночи. В это время город напоминал вскрытое чудовище из морских глубин: тонны светящегося неона, раскаленный кремний дорожных развязок и миллионы чужих, бесполезных жизней, циркулирующих по артериям МКАДа. Всё это пульсировало, шумело и отдавало подогретым пластиком. В этом городе не было тишины — только глухой цифровой гул, от которого у древних зудела надкостница.

Он стоял перед панорамным окном своего офиса на сорок втором этаже. Кашемировое пальто цвета графита, стоившее как годовой бюджет провинциального театра, было расстегнуто. Шёлковый галстук — ослаблен. На полированном столе из мореного дуба, к которому Виктор даже не прикоснулся, остывал нетронутый эспрессо. Бесполезный ритуал. Навязанная веками привычка притворяться живым.

Виктор медленно поднял руку и прижал тыльную сторону ладони к стеклу. Оно отозвалось привычным, тупым холодом. Но внутри самого Виктора холода было больше. Намного больше.

Люди думали, что бессмертие — это триумф. Они, умирающие к восьмидесяти от износа сердечного клапана или случайного тормозного пути на скользком шоссе, грезил о вечности, как о бесконечном шведском столе. Они не понимали, что вечность — это комната с низким потолком, где стены каждый век сдвигаются на миллиметр. Сначала ты теряешь вкусы. Французские вина, которые ты смаковал при Людовике, превращаются в кислую окрашенную воду. Затем тускнеют цвета. Мир вокруг приобретает матовый, сероватый оттенок, словно старая киноплёнка, которую забыли убрать в архив.

Последними уходили смыслы. Зачем заключать миллиардные контракты в Сити, если через полвека эти здания снесут, а имена нынешних олигархов останутся лишь на надгробиях, которые тоже со временем зарастут лопухами?

Виктор закрыл глаза. Его идеальная, вышколенная годами осанка надломилась. Он опустил голову, тяжело опершись ладонями о край стола. В этот момент, когда никто не смотрел на него через объективы скрытых камер или прицелы наёмников, он выглядел на свой настоящий возраст. Древний, иссушенный изнутри старик, чья кожа держалась на костях лишь благодаря чужой крови и упрямому, злему нежеланию уступить место новому миру.

В его мыслях, как на заезженной пластинке, крутился один и тот же силуэт. Диана.

Она считала его кукловодом. Циничным, холодным адвокатом дьявола, который держит её на поводке из обязательств, контрактов и обсидиановых тайн. Она злилась, когда он возникал из тени её пентхауса со своими вкрадчивыми поучениями. Диана думала, что его обожание — это попытка вернуть контроль, запереть её в золотую клетку их вымирающего вида.

Наивная. Она была слишком молода по меркам Ночи. Полтора века — почти младенец. Она еще помнила тепло человеческих рук. Она всё еще берегла в сердце ту нелепую, кровоточащую рану по имени Николай, который сдох на Черной речке, оставив ей горсть фиалок и вечную скорбь. Диана цеплялась за эту скорбь, как за спасательный круг, надеясь, что через боль сможет остаться человеком.



Виктор горько, беззвучно усмехнулся. Свои «человеческие раны» он похоронил еще до того, как Петр заложил первый камень в болота Петербурга. У него не осталось боли. Не осталось памяти о тепле. Всё, что связывало Виктора с реальностью, — это Диана.

Её ледяные пальцы, перебирающие костяное кольцо. Её резкий, гордый разворот плеч. Её фиалковый шлейф духов, за которым он готов был идти в любую бездну. Она была его личной Иглой. Единственной точкой опоры во вселенной, которая стремительно неслась к чертям. Если Диана исчезнет, — Виктор просто не найдет причины открыть глаза следующим вечером. Маска безупречного хозяина жизни рассыплется, и на дорогой паркет пентхауса рухнет горсть серого пепла.

Он выпрямился, одним движением возвращая лицу маску ледяного превосходства. Застегнул пуговицу пальто. Поправил узел галстука. Пальцы инстинктивно коснулись тяжелого обсидианового кулона под рубашкой. Камень отозвался глухим, едва заметным толчком — древний договор требовал платы, вытягивая из Виктора крупницы его заемной силы, превращая её в щит от дневного света.

— Ты едешь в Петербург, Диана, — тихо произнес он в пустую темноту офиса. Голос снова был бархатным, ровным, без единой трещины. — Ты думаешь, что бежишь от меня. Но

ты едешь в капкан. И мне придется сжечь этот город дотла, если они посмеют коснуться твоих волос.

Виктор повернулся спиной к окну и шагнул в тень угла, бесшумно растворяясь в ней до следующего заката. Черный триплекс за его спиной продолжал отражать холодные, мертвые огни Москвы.

ГЛАВА 2. САД РАЗБИТЫХ ЗЕРКАЛ

Если пентхаус в «Сити» был сверкающим лицом империи Дианы, то усадьба, скрытая за вековыми соснами в пригороде, была её потайным шрамом. Здесь, за коваными воротами, где ангелы и горгульи застыли в вечном противостоянии, Москва переставала кричать. Она замирала, затаив дыхание, словно зверь перед прыжком.

Автомобиль шёл бесшумно, лишь изредка стонали под шинами ветви древних исполинов, которые те сбросили из-за порыва ветра. Виктор вёл сам, сосредоточенно глядя на дорогу, разрезающую густой, как кисель, туман. В чёрном салоне стоял аромат дорогой кожи с оттенком того самого запаха Востока, который всегда сопровождал их поездки «в тень». Кристальные звёзды на потолке, будто зная, куда они едут, таинственно мерцали.

Виктор остановил перед приземистым зданием из серого гранита. Здесь не висело вывесок, лишь мягкий свет садовых фонарей освещал безупречные дорожки. Это место среди своих называлось «частным хосписом», и здесь никто и никогда не видел ни одного зеркала. В этих стенах доживали последние дни вечности те, кого укус детей Ночи превращал не в слуг, а в безумцев. Прихоть судьбы или же жестокая шутка богов. Сквозь аккуратные отверстия на шее гостей хосписа вылетало то, что некогда служило им душой. Через них оно же изредка возвращалось. Лишь горячая густая кровь могла призвать этих бестелесных странников вновь войти в тела. Хоспис входил в холдинг, принадлежащий Виктору, тот никогда не делал ничего просто так, и каждый гость в этом доме безумия был далеко не случаен.

Внутри Диану встретил мир, лишенный бликов. Здесь даже столовые приборы из матового титана не давали отражения. Те, кто обитал здесь, не выносили своего вида. В зеркале они видели не себя, а ту зияющую пустоту, провал в пространстве, который не смогла заполнить чужая кровь. Диана поймала себя на том, что сама избегает смотреть на полированные панели стен, боясь однажды не увидеть там себя.

Они шли по тихой анфиладе — длинному коридору, где за дверями из матового стекла томились те, чья искра угасла окончательно. Здесь бессмертие превратилось в бесконечное саморазрушение. За первой дверью одно существо, бывшее человеком, десятилетиями выпарапывало на стене одно и то же слово; за другой — кто-то просто стоял в углу, превратившись в живое изваяние. Мурашки пробегали по коже, реагируя на невидимое присутствие, безмолвный крик, который давил на неё сильнее, чем любые обвинения Виктора. Эти тысячи невысказанных слов, подавленных стонов и бессмысленных молитв.

В интерьере усадьбы современные технологии соседствовали с древним прахом. Привезённые из Японии медицинские мониторы отслеживали пульс, который у некоторых пациентов пробивался раз в сорок минут. Белые халаты персонала выглядели как саваны. Наука была бессильна перед магией крови, и эти капельницы лишь поддерживали физическую оболочку, не в силах напитать высушенную душу.

— Марк сегодня не спал, — произнес Виктор, останавливаясь у двери с усиленным стеклом. — Он снова пытался содрать кожу с запястий. Говорит, она пахнет чужим временем.

Дверь с тихим шипением скользнула в сторону, впуская Диану в стерильный холод палаты. Здесь не существовало углов — все формы выполнены сглажено, обтекаемо, чтобы взгляд не мог зацепиться за опору. Марк сидел в центре комнаты на полу, поджав под себя длинные ноги. Простая льняная рубаша, которая на его идеальном застывшем теле смотрелась как погребальный саван, служила единственной его одеждой.

Когда-то этот человек был «акулой» судебных залов. Диана помнила его голос — глубокий баритон, которым он жонглировал судьбами корпораций. Теперь же его пальцы — тонкие, с безупречным маникюром, который персонал обновлял по привычке — безостановочно скребли по ткани на бедрах.

— Скрести. Скрести. Скрести.

Звук сухой кожи, трущейся о лен, оставался единственным ритмом в удушливой, застывшей тишине комнаты.

— Марк, — негромко позвала Диана.

Он не вздрогнул. Он медленно, с механической заторможенностью, поднял голову. Его лицо могло бы служить апофеозом мастерства античного скульптора, но глаза... В них не осталось того привычного «вампирского» голода. Только смертельная усталость существа, которое заперли в комнате без выхода, забыв выключить свет.

— Хозяйка... — Его губы едва шевелились. — Вы принесли еще... секунд? Мне некуда... некуда их складывать. Они копятяся в глазах. Гниют.

Диана опустила перед ним на колени, игнорируя холод пола. Она достала из кармана тяжелую, золотую перьевую ручку, шедевр ювелиров Милана, с гравировкой «M.V. — Победителю». Когда-то Марк не выпускал эту ручку из рук, считая её своим магическим жезлом. Она вложила прохладный металл в его ладонь.

— Помнишь это, Марк? Твой иск к «Северстали». Ты тогда смеялся, что купишь на гонорар остров. Посмотри на неё. Это твоя вещь. Это ты.

На секунду произошло то, ради чего Диана приезжала сюда каждый месяц. Ухоженные и скрюченные пальцы Марка судорожно сжались вокруг ручки. Мышцы лица исказились и напряглись, восстанавливая прежний, властный контур. Взгляд сфокусировался на золотом пере, и в глубине зрачков зажегся крошечный, болезненный и обжигающий огонек памяти. Он вспомнил запах дорогого паркета в залах суда, вкус победного виски, азарт схватки. Он снова стал Марком Волковским — человеком, который ненавидал проигрывать.

Его губы дрогнули в подобии улыбки.

— Остров... — прошептал он, и в голосе прорезалась былая медь. — Я... я помню ту сделку. Диана, я...

И в этот момент огонек погас. Ручка в его руке внезапно показалась ему невыносимо тяжелой, как обломок скалы. Лицо Марка исказилось от ужаса. Он посмотрел на предмет так, словно это была ядовитая змея.

— Нет... — выдохнул он, и его пальцы разжались. — Это чужое. Это произошло миллион лет назад. Или завтра?

Ручка со звоном ударилась о кафель. Звук был таким окончательным, что Диане захотелось зажать уши. Её собственное бессмертие равнодушно сдавливало ей горло.

— Время... оно не течет, Хозяйка, — Марк снова начал скрести запястья, и на бледной коже проступили белесые борозды. — Оно просто наваливается сверху. Слой за слоем. Оно пахнет пылью из заброшенных библиотек. Я не хочу... не хочу еще тысячу лет чувствовать, как на мне растет эта пыль. Почему... почему Вы не позволили мне просто сгореть в той больнице? Там была боль... но там была надежда на конец. А здесь... здесь только тишина.

Он поднял на неё глаза, и в них стояла такая нечеловеческая мольба о смерти, что Диана почувствовала, как внутри неё что-то окончательно ломается.

— Вы дали мне всё, — Марк вдруг схватил её за край плаща, и его руки дрожали. — Но забыли дать смерть. Пожалуйста... заберите этот дар обратно. Я хочу... я хочу просто перестать быть.

— Я не могу, Марк, — прошептала она, и её голос надломился. — Я не умею забирать это обратно.

Она встала, чувствуя себя палачом. Марк снова опустил голову и вернулся к своему занятию.

— Скрести. Скрести. Скрести.

Он уже забыл, что она здесь. Он снова остался один на один с бесконечностью, которая шелестела старой бумагой и окутывала разложением смысла. Диана выходила из палаты, и ей казалось, что её собственные руки тоже начинают пахнуть пылью.

В кабинете Виктор уже ждал её, стоя у массивного стола. На зеленом сукне лежал тяжелый черный грессбух, который он вёл десятилетиями. Виктор демонстративно открыл его. Список имен тех, кого Диана когда-то «спасла», тянулся страница за страницей. Рядом с большинством стояли даты их поступления в Сад.

Виктор указал на чистую страницу в конце списка.

— Для кого это место, Диана? Для того поручика из твоих снов или для нового несчастного, которого ты найдешь в Петербурге? — его голос дрожал от подавленной горечи. — Ты едешь за пустотой, а привезешь лишь новую тень. Если ты притащишь очередного мертвеца с петербургским адресом, я не стану его лечить. Я дам ему то, о чём просит Марк - финал.

Диана подошла к столу и взяла дорожный саквояж — безупречная черная кожа, ручная работа, вещь, которая выглядела одинаково уместно и в девятнадцатом веке, и в двадцать первом. Её пальцы, длинные и бледные, на мгновение замерли на замке. Она почувствовала, как в комнате сгустился воздух. Виктор стоял у двери, преграждая путь, словно ожившая тень.

— «Сапсан» уходит через час, — произнес он, и в его голосе прорезалась едва заметная дрожь. — Ты действительно собираешься ехать в этот город призраков? На поезде, полном людей, которые пахнут вчерашним перегаром и дешевыми надеждами?

— В этом и есть вкус жизни, Виктор, — она обернулась, и её взгляд был острым, как осколок льда. — В дешевых надеждах. В суете. В том, что у них есть финал. А мы... мы застряли в этой безупречной стерильности.

Виктор сделал шаг вперед. Свет люстры выхватил его лицо — красивое, застывшее, словно высеченное из холодного мрамора.

— Ты снова хочешь согреться у костра, который погас до того, как построили этот вокзал. Но ты только обожжешься пеплом, Диана.

Диана резко защелкнула замок саквояжа. Звук ударил по тишине кабинета, как выстрел.

— Я еду не за ним. Я еду за собой — той, которая еще умела чувствовать боль, а не просто использовать её. Посмотри на Марка, Виктор. Посмотри на себя. Ты любишь меня как музейный экспонат. Ты охраняешь мою пыль. А я хочу... — она запнулась, и её голос упал до шепота. — Я хочу, чтобы мне снова стало по-настоящему страшно.

— Страх — это роскошь для смертных, — Виктор почти выплюнул эти слова. Он подошел вплотную, и Диана почувствовала аромат его ревности — терпкий, удушливый, как запах полыни. — Ты вернешься. Через неделю, через месяц. Ты приползешь обратно в этот «Сити», потому что только здесь мы можем притворяться богами. Там, в Петербурге, ты будешь лишь еще одной тенью в подворотне.

— Пусть так, — она поправила воротник кашемирового пальто. — Но это будет *моя* тень.

Она направилась к выходу. Виктор не шелохнулся, но когда она проходила мимо, он тихо, с улыбкой добавил:

— Если ты найдешь там кого-то... если ты решишь повторить «милость»... я не позволю тебе привести его сюда. Я лично закрою за ним дверь в этот сад разбитых зеркал.

Диана остановилась на пороге. Она не обернулась, но её плечи напряглись под тонкой тканью пальто.

— Ты уже давно закрыл все двери, Виктор. И свою, и мою.

Она вышла из кабинета, и звук её шагов эхом разнесся по пустому холлу усадьбы. На улице её ждал водитель, готовый везти её к Ленинградскому вокзалу. Виктор оставался в хосписе, а Москва провожала её ледяным дождем, который разбивался о лобовое стекло, превращая огни города в расплывчатые, кровавые пятна.

Диана смотрела в окно, сжимая в кармане старое письмо. Она знала: этот путь ведет либо к искуплению, либо к окончательному краху. Но впервые за сто лет ей было всё равно. Она ехала в город, который умел умирать красиво.

Лимузин плавно остановился у VIP-входа Ленинградского вокзала. Диана посмотрела на смартфон, лежащий на кожаном сиденье рядом с ней. Он продолжал беззвучно вибрировать, высвечивая уведомления о завтрашних встречах, котировках и нерешенных юридических спорах. Обычный мир настойчиво стучался в её дверь, требуя внимания.

Она не потянулась за ним. Она оставила его там, в теплом нутре автомобиля — этот светящийся прямоугольник жизни, которая перестала ей подходить.

— Оставь его, — небрежно бросила она водителю, который уже открыл дверь. — И передай Виктору... передай, что я не просто уехала. Я исчезла. Хотя нет, телефон я всё возьму.

Она вышла из машины, поставив авиарежим, и на неё тут же обрушился хаос вокзала. Здесь не веяло стерильностью больницы или тишиной пентхауса. Воздух пах гарью, мокрой шерстью пальто и тем специфическим, липким запахом человеческой суеты, который всегда сопровождает большие вокзалы.

Среди толпы, спешащей к поездам, Диана выглядела чужой — слишком идеальная, слишком неподвижная в этом людском водовороте, в этой беспорядочной и бессмысленной сутолке. Она чувствовала на себе мимолетные взгляды: восхищенные, завистливые, просто любопытные. Но для неё эти люди были лишь тенями, искрами, которые гаснут быстрее, чем успеваешь запомнить их лица.

На платформе у вагона «Сапсана» самозабвенно гулял ветер. Проводница в накрахмаленной форме, проверяя её паспорт, на секунду замерла, вглядываясь в лицо пассажирки, словно пытаясь понять, почему от этой красивой женщины веет холодом подвалов старых соборов и неподвижностью вечного льда, несмотря на дорогое пальто.

— Проходите, Диана Александровна, — вежливо произнесла девушка, возвращая документ.

Диана едва заметно кивнула, проходя внутрь. В её голове это имя уже звучало как эхо из другой жизни.

Вагон вздрогнул, словно пробуждающийся зверь и огни Москвы начали медленно соскальзывать в прошлое. Диана прислонилась виском к стеклу. Она знала: через четыре часа этот безумный электрический пульс сменится шепотом Невы.

Она достала из кармана серебряную Иглу, всегда голодную и жадную до её крови, которой она совсем недавно поила Аркадия, и провела кончиком по ладони. За бездушным острием оставался тонкий чёрный след. Серебро вспоролу кожу с едва слышным шипением, возвращая ей ясность через привычную вспышку агонии.

Дверь купе отсекала вокзальный шум. Диана поднесла ладонь к губам, слизывая узкую алую полоску. Вкус собственной крови и вечности напомнил ей, что она еще жива, как бы Виктор ни старался превратить её в статую. Она ехала не за спасением - она ехала за правом на финал.

«Я иду к тебе, Николай», — прошептала она одними губами, глядя на то, как темнота за окном окончательно поглощает остатки московского блеска. — Я знаю, что часть тебя еще там, в Петербурге».

ГЛАВА 3. ЯДОВИТЫЙ МЁД

Петербург встретил её вздохом. Когда двери вагона скользнули в стороны, на Диану хлынул воздух, в котором не чувствовалось ни грамма московской спеси. Он был тяжелым, властным, пахнувшим мокрым сукном и талой водой, которая помнила еще первых строителей этих стен.

Небрежным покачиванием головы она отказалась от предложенного такси. Ей хотелось пройти этот путь ногами - почуять, как тонкие подошвы итальянских сапог касаются не асфальта, а костей города.

Дождь в Петербурге не шел — он висел в воздухе мелкой, липкой пылью. Диана намеренно не раскрывала зонт. Лишь старый саквояж, её неизменный спутник, напоминал о Москве. Капли оседали на длинных ресницах, на кашемировом пальто, пробираясь под шёлк платья. Она шла по набережной Мойки, и с каждым шагом её московское альтер эго осыпалось с неё, как сухая штукатурка с фасадов старинных особняков. Она снова становилась просто Дианой- женщиной, которая полтора века назад оставила здесь свое сердце в окровавленном сугробе.

Нужный дом нашелся в одном из тех дворов-колодцев, где небо кажется лишь узкой серой полоской, забытой кем-то наверху. Никаких вывесок. Только тяжелая дубовая дверь в полуподвал и едва уловимый, почти невозможный в этом сыром городе аромат.

Запах свежей кедровой стружки, разогретого воска и чего-то острого, мускусного, совершенно живого.

Диана толкнула дверь. Колокольчик над головой отозвался коротким, глухим всхлипом. Жар внутри выжигал кислород из лёгких. В центре мастерской ревела старая чугунная печка-буржуйка, и это сухое, яростное тепло ударило Диане в лицо, заставив её кожу, привыкшую к стерильному климату пентхаусов, болезненно стянуться. Полумрак мастерской прошивали лучи рабочих ламп, выхватывая из темноты обрубки дерева, силуэты будущих скульптур и облака мелкой пыли, танцующей в воздухе.

Он стоял к ней спиной — высокий, широкоплечий, в потемневшей от пота серой майке. Точными, скупыми ударами стамески он обтесывал массивный кусок темного дерева, не замечая гости. Вокруг него замерли силуэты будущих скульптур, а в косых лучах света танцевала мелкая древесная пыль. Каждый его удар был точным, скупым и пугающе сильным.

— Заперто, — бросил он, не оборачиваясь. Голос был низким, с хрипотцой человека, который привык к долгому молчанию.

— Я не грабитель, — тихо отозвалась Диана.

Он замер. Медленно, словно нехотя, он отложил инструмент и обернулся. Он смотрел на неё так, как смотрят на внезапную помеху — сучок на доске, мешающий работе или на редкое, опасное животное, зашедшее на его территорию.

В его лице сквозило что-то первобытное: резкие скулы, прямой нос и глаза цвета глубокой лесной тени. Он вытер руки о засаленную ветошь, и Диана невольно проследила за движением его пальцев — длинных, узловатых, покрытых мелкими шрамами и пылью. Пальцев, которые умели оживлять мертвое дерево.

Жар от буржуйки становился невыносимым. Диана чувствовала, как капли дождя на её кашемире начинают испаряться. От неё начал подниматься едва заметный, призрачный пар — тонкий флёр, пахнувший дорогими духами и старой пылью московских офисов.

— Артём, — представился реставратор.

— Диана, — представилась она настоящим именем, отбросив московский псевдоним. — Я пришла из-за особняка на Сапёрном переулке.

Она говорила ровно, позволяя словам падать в вязкий воздух мастерской, как тяжелые монеты. — Того самого, с атлантами, чьи плечи подкосились еще век назад. Мне сказали, что Вы единственный в этом городе, кто не боится работать с мертвым камнем и деревом, которое помнит еще наводнения девятнадцатого века.

Реставратор усмехнулся, вытирая руки о фартук. В свете ламп его мышцы перекатывались под кожей, как сытые удавы.

— Особняк Англареса? — он прищурился. — Тяжелое место. Там стены пропитаны сыростью и старыми грехами так сильно, что обычный лак их не берет. Вы хотите устроить там очередной отель для москвичей?

— Я хочу, чтобы он снова задышал, — она сделала шаг к его верстаку, игнорируя запах стружки. — Но прежде чем я доверю вам стены своего дома, я хочу понять, насколько тонка ваша работа.

Она сделала паузу. В этот момент намерение, ради которого официально затевалась вся поездка в Питер, просто договориться о подряде и уйти — окончательно рассыпалось. Глядя на Артёма, на его сосредоточенную, почти звериную силу, Диана почувствовала укол азарта. Ей захотелось сорвать с него эту маску мастера и посмотреть, что скрывается под ней.

— Снимайте пальто, — сказал он. Это не была просьба. Это был приказ мастера, который привык работать с материалом, не терпящим возражений. — Вы губите вещь. В Питере кашемир - это самообман. Снимайте.

Он зашел ей за спину. Диана замерла, её плечи напряглись, превратившись в две острые льдины. Она чувствовала его присутствие всем загривком: он не касался её, но жар его тела прошивал мокрую ткань платья, как электрический разряд.

— Дорогое, — прошептал он ей почти в самое ухо. Его голос, низкий и обволакивающий, заставил мелкие волоски на её шее подняться. — Слишком дорогое для этого подвала. Вы носите его как доспехи, Диана. Но здесь... здесь доспехи только мешают.

Он медленно потянул сукно вниз. Вместе с тяжелой тканью с Дианы сползала последняя броня. Когда пальто соскользнуло к локтям, она почувствовала себя беззащитной. Пропитавшийся влагой шёлк платья стал полупрозрачным, облепив тело как вторая кожа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.